

УДК 821-119
doi 10.17072/2037-6681-2017-1-68-76

КОММУНИКАТИВНЫЙ ПОДХОД К АНАЛИЗУ ПОЭТИЧЕСКОГО ТЕКСТА (на примере ранней лирики В. Высоцкого)

Екатерина Вадимовна Рякина
соискатель кафедры русского языка

Санкт-Петербургский государственный университет
199034, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., 11. catherinecaulfield@list.ru
SPIN-код: 5898-9090
ORCID: 0000-0002-5910-0861
ResearcherID: B-4164-2017

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Рякина Е. В. Коммуникативный подход к анализу поэтического текста (на примере ранней лирики В. Высоцкого) // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2017. Т. 9, вып. 1. С. 68–76. doi 10.17072/2037-6681-2017-1-68-76

Please cite this article in English as:

Ryakina E. V. Kommunikativnyy podkhod k analizu poeticheskogo teksta (na primere ranney liriki V. Vysotskogo) [The Communicative Approach to the Analysis of Poetic Text (a Case Study of Vysotsky's Early Lyrics)]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2017, vol. 9, issue 1, pp. 68–76. doi 10.17072/2037-6681-2017-1-68-76 (In Russ.)

Целью статьи является анализ стихотворений раннего периода творчества В. Высоцкого с точки зрения коммуникативной грамматики. По мнению Г. А. Золотовой, в основе речи находится пять коммуникативных регистров: репродуктивный, информативный, генеритивный, волюнтивный и реактивный. Коммуникативные регистры выражают отношение говорящего к содержанию высказывания и адресату. С помощью коммуникативного подхода можно понять внутреннюю структуру текста. При этом важно отметить, что границы между коммуникативными регистрами условны. В статье затрагивается вопрос о лирическом герое в произведениях этого поэта. Многие его стихотворения раннего периода были написаны под влиянием блатного фольклора, и с этим связаны особенности лирического героя. Кроме того, ранняя лирика В. Высоцкого носит повествовательный характер. Неотъемлемыми чертами его поэзии являются сюжетность и диалогичность. В сюжетных стихотворениях широко применяется репродуктивный регистр. В связи с огромной ролью диалогов в стихотворениях В. Высоцкого активно используются волюнтивный и реактивный регистры. Характерными чертами анализируемых текстов являются эллиптические конструкции, междометные глаголы и междометные фразеологизмы.

Ключевые слова: Высоцкий; коммуникативный регистр; лирический герой; сюжетность; диалогичность.

Коммуникативный подход актуален для анализа текста литературного произведения, так как с его помощью выявляется отношение автора к содержанию высказывания и адресату. Верным представляется утверждение Л. А. Голяковой о том, что «в плане коммуникативно-прагматического аспекта художественное произведение трактуется как адресное сообщение автора, который кодирует текст, тесно переплетая эксплицитно и имплицитно выраженные смыслы» [Голякова

2011: 94]. Целесообразность использования коммуникативного метода при изучении художественного, в т. ч. поэтического, текста определяется способностью этого метода помочь исследователю аналитически раскрыть порядок организации, внутреннюю структуру произведения, установить ее связь с творческими целями и задачами, решаемыми автором произведения. Кроме того, как отмечает Г. А. Золотова, «недостаточно изученных вопросов еще много в обла-

сти соотношения синтаксиса и семантики», а это значит, что необходимо проводить исследования по этой теме [Золотова 2010: 16].

В статье анализируются стихотворения раннего периода творчества Владимира Высоцкого (60-е гг.) с целью выявления важных особенностей его лирики, которые касаются смысла и композиции стихов. Их структура рассматривается в русле коммуникативной грамматики. Необходимо заранее оговориться, что речь пойдет о тех стихах, которые поэт исполнял под гитару. Сам Высоцкий говорил о своих произведениях, что это не песни, а стихи, положенные на музыку: «Я пишу стихи и пытаюсь исполнять их под музыку для того, чтобы они ещё лучше работали» [Высоцкий 2000: 152].

Согласно классификации, предложенной Г. А. Золотовой, речь – как форма общения, как средство выражения (будь то в устном или в письменном виде) – имеет в своей основе пять типов организации речевого действия (пять коммуникативных регистров по терминологии Г. А. Золотовой): «репродуктивный», «информативный», «генеритивный», «волюнтивный» и «реактивный» [Золотова, Онипенко, Сидорова 2004: 33]. Кратко охарактеризуем их.

1. **Репродуктивный.** Говорящий воспроизводит в речи непосредственно наблюдаемое. Г. А. Золотова заключает высказывания репродуктивного типа в модусную рамку «Я вижу, как...», «Я слышу, как...», «Я чувствую, как...» [Золотова, Онипенко, Сидорова 2004: 29]. Для данного коммуникативного регистра характерны любые описания.

2. **Информативный.** Говорящий сообщает о каких-либо фактах, событиях, свойствах, и это знания, полученные не путем прямого наблюдения, а в результате опыта или мыслительных операций [там же]. Высказывания такого типа можно заключить в модусную рамку «Я знаю, что...», «Известно, что...» [там же].

3. **Генеритивный.** «Говорящий обобщает информацию, соотнося ее с универсальным опытом ... и поднимаясь на высшую ступень абстракции от событийного времени и места» [там же: 30]. Такие высказывания обычно облачаются в форму умозаключений, афоризмов, пословиц [там же].

4. **Волюнтивный.** Говорящий побуждает адресата к действию с целью внести изменение в тот или иной фрагмент действительности или что-то узнать [там же: 32–33].

5. **Реактивный.** Представляет собой оценочную реакцию говорящего на ситуацию. Реактивный регистр часто используется в диалогах.

Говоря о регистре репродуктивном, Г. А. Золотова также отмечает, что «диалогический блок ... в виде воспроизводимой прямой речи

включается обычно в репродуктивный регистр, так что волюнтивные и реактивные высказывания находятся как бы в двойном подчинении...» [там же: 33].

Существуют также следующие разновидности репродуктивного и информативного регистров: «репродуктивно-описательный» (описание ситуации), «репродуктивно-повествовательный» (изложение событий), «информативно-описательный» (констатация факта, вывод, мнение), «информативно-повествовательный» (изложение повторяющихся, многократных действий) [там же: 30–31].

Следует подчеркнуть, что формальная характеристика текста в соответствии с названными (так сказать, *основными, базовыми*) коммуникативными регистрами отнюдь не предполагает раздельного, обособленного существования последних, поскольку практика литературно-художественного творчества порождает *контактные виды коммуникативных регистров*. Это объясняется тем, что в текстах поэтических в силу максимальной концентрации смыслов возможно сочетание двух и более коммуникативных регистров (например, информативного и реактивного) даже в рамках одной предикативной единицы.

Разумеется, для анализа стихотворений В. Высоцкого с точки зрения коммуникативной грамматики важны как базовые позиции, так и их контактные варианты.

Ранняя лирика Высоцкого носит повествовательный характер. Многие песни этого периода поэт написал под влиянием блатного фольклора. Вл. Новиков пишет, что это «четыре десятка историй, перетекающих друг в друга, перекликающихся, образующих вместе единый текст, своего рода роман с весьма небезупречным главным героем» [Новиков 2006: 60]. Надо отметить, что, поскольку поэт сам никогда не сидел в тюрьме, возникает вопрос о том, какой герой перед нами: ролевой или лирический. Многие исследователи размышляли на эту тему. А. Рощина критикует те классификации героев и образа повествователя, в основе которых лежит морально-этический принцип, справедливо замечая, что это противоречит научному подходу [Рощина 1998: 132]. Автор утверждает, что исследователи нередко судят о том, лирический это герой или ролевой, основываясь на его моральных качествах, например, в ранней (блатной) лирике Высоцкого они видят именно ролевого героя и отказываются видеть героя лирического. Верным представляется вывод Я. Кормана: «...подавляющее большинство произведений, которые мы привыкли считать ролевыми, являются таковыми лишь по форме, а ролевые персонажи – это лишь

маски и образы лирического героя» [Корман 2006: 5–6], поскольку исследователь опирается на слова самого поэта: «Я пишу от первого лица по двум причинам: первая – это то, что, может быть, мне как актеру ... чтобы играть разных людей, намного удобнее говорить от первого лица, и вторая – из-за того, что в этих вещах есть мое собственное мнение и суждение о том предмете, о котором я разговариваю. Это всё только мои собственные мысли, поверьте мне» [Корман цит. по: Высоцкий 2000: 5]. В блатной лирике Высоцкого перед нами лирический герой, и этот герой – бунтарь. Этим он и близок автору, поскольку его творчество является примером ярко выраженного личностного начала. По словам А. В. Подобрый, «Любой писатель является выразителем не только коллективного, но и личностного начала, и его стремление создать свою художественную реальность может быть противопоставлено родовым культурным представлениям о мире и о человеке в этом мире» [Подобрый 2013: 140]. Отметим также, что Высоцкий был не только поэтом и бардом, но и актером, поэтому, безусловно, его талант к перевоплощению помог ему создать множество образов людей разных профессий и социальных кругов.

И. В. Шумкина и И. А. Некрасов в статье «Окуджава и Высоцкий в русской речи» справедливо утверждают, что для лирики Высоцкого характерна сюжетность [Шумкина, Некрасов 2008: 465]. В этом можно убедиться на примере таких стихотворений, как «Сорок девять дней», «Тот, кто раньше с нею был», «Татуировка», «Лежит камень в степи», «Я был душой дурного общества».

Одним из самых показательных примеров поэтического произведения с ярко выраженным сюжетом является стихотворение «Сорок девять дней» (1960) [Высоцкий 1991: 15], посвященное реальным событиям. Автор рассказывает историю таким образом, что читатели живо представляют себе происходящее, а это означает, что в этом стихотворении проявляется «кинематографичность». И. А. Мартынова определяет явление кинематографичности так: «...это характеристика текста с монтажной техникой композиции, в котором различными, но прежде всего композиционно-синтаксическими средствами изображается динамическая ситуация наблюдения» [Мартынова 2002: 240]. В этом можно убедиться на примере следующего фрагмента:

Суров же ты, климат охотский, –
Уже третий день ураган.
Встает у руля сам Крючковский,
На отдых – Федотов Иван.
[Высоцкий 1991: 15]

В первой строке стихотворения используется информативный регистр, так как фраза *Суров же ты, климат охотский* представляет собой некоторое умозаключение об охотском климате. Со второй строки происходит переход от несюжетного времени к сюжетному – это репродуктивно-описательный регистр: описывается погода, и это описание служит фоном для событий, которые далее происходят. В третьей и четвертой строках передается последовательность действий, поэтому эти строки актуализируют репродуктивно-повествовательный регистр. В третьей строке употреблен глагол в форме несовершенного вида, выражающий однократное действие. В строке *На отдых – Федотов Иван* также выражено однократное действие, а эллиптическая конструкция придает этому действию динамичность. По словам Т. В. Кузьминой, «...время (темпоральность) в тексте выражается не только глагольными формами (явно, эксплицитно), но и синтаксическими конструкциями, не содержащими этих форм (неявно, имплицитно)» [Кузьмина 2014: 114]. Эффект кинематографичности достигается за счет использования глаголов в форме настоящего времени несовершенного вида (далее – НСВ) при изложении событий вместо глаголов в форме прошедшего времени совершенного вида (далее – СВ).

Весьма показательна и третья строфа стихотворения:

Суровой, ужасней лишенья,
Ни лодки не видно, ни зги, –
И принято было решенье –
И начали есть сапоги.
[там же: 15]

Первые две строки представляют собой репродуктивно-описательный регистр, поскольку передают обстоятельства, в которых оказались персонажи на тот момент: *Суровой, ужасней лишенья, / Ни лодки не видно, ни зги*. В третьей и четвертой строках *последовательность действий* выражена регистром репродуктивно-повествовательным: *И принято было решенье – / И начали есть сапоги*.

Сюжетом стихотворения «Татуировка» (1961) [там же: 17] является история о любви двух мужчин к одной женщине. Первая строка *Не делили мы тебя и не ласкали* представляет собой информативно-повествовательный регистр, поскольку в ней речь идет о повторяющихся действиях в прошлом. Эти действия выражены с помощью глаголов НСВ. В строках *А что любили – так это позади, – / Я ношу в душе твой светлый образ*, Валя лирический герой сообщает факты, а это означает, что перед нами информативно-описательный регистр. Последняя строка

А Леша выколол твой образ на груди актуализирует репродуктивно-повествовательный регистр, описывая однократное действие, выраженное глаголом СВ.

Предпоследняя строфа стихотворения почти полностью относится к репродуктивно-повествовательному регистру, так как в ней передается последовательность событий:

Но недавно мой товарищ, друг хороший,
Он беду мою искусством поборол:
Он скопировал тебя с груди у Леша
И на грудь мою твой профиль наколот.
[Высоцкий 1991: 15]

Однако уточнение *друг хороший* актуализирует информативный регистр, потому что оно выражает то, что лирический герой знает и думает о своем друге.

Стихотворение «Тот, кто раньше с нею был» (1962) [там же: 27–28] также представляет собой историю с захватывающим сюжетом, в котором динамику передают глаголы в форме СВ, актуализируя, таким образом, репродуктивно-повествовательный регистр, а кинематографичность, наглядность отдельных эпизодов в этом стихотворении передают глаголы в форме НСВ, актуализируя репродуктивно-описательный регистр:

В тот вечер я не пил, не пел –
Я на нее всю глядел,
Как смотрят дети, как смотрят дети.
Но тот, кто раньше с нею был,
Сказал мне, чтоб я уходил,
Сказал мне, чтоб я уходил,
Что мне не светит [там же: 27].

Очевидно, что первые две строки относятся к репродуктивно-описательному регистру: *В тот вечер я не пил, не пел – / Я на нее всю глядел*. Фраза *Как смотрят дети, как смотрят дети* относится к информативному регистру, поскольку представляет собой некое умозаключение. Остальные четыре строки актуализируют репродуктивно-повествовательный регистр, но в пятой и шестой строках он сочетается с волюнтивным регистром, поскольку «тот, кто раньше с нею был» выражает свою волю (*Сказал мне, чтоб я уходил*), а в седьмой – с регистром информативным (*Что мне не светит*) в виде простого придаточного предложения глагольно-безличной группы (*Что мне не светит*).

В третьей строфе преобладает репродуктивный регистр. Первые две строки выражают информативный регистр: *Но тот, кто раньше с нею был, / Меня, как видно, не забыл*. Третья строка относится к репродуктивно-повествовательному регистру (*И как-то в осень, и как-то в осень*), остальные строки представляют собой репродуктивно-описательный регистр. Этот от-

рывок дает читателю возможность стать непосредственным наблюдателем ситуации:

Иду с дружкой, гляжу – стоят, –
Они стояли молча в ряд,
Они стояли молча в ряд –
Их было восемь [там же: 28].

Особенно динамична четвертая строфа. Первая часть первой строки актуализирует репродуктивно-повествовательный регистр, а фраза, которая следует после двоеточия до конца второй строки, – информативный регистр, так как она выражает то, что лирический герой думал в тот момент: *Со мною – нож, решил я: что ж, Меня так просто не возьмешь*. Следующая строка выражает мысленную угрозу и, таким образом, относится к волюнтивному регистру: *Держитесь, гады! Держитесь, гады!* Волюнтивный регистр актуализируется и в строке *К чему задаром пропадать*. Пятая и шестая строки представляют собой репродуктивно-повествовательный регистр и передают динамику действия: *Ударил первым я тогда, / Ударил первым я тогда*. Подводящая итог событиям констатация, выражающая точку зрения лирического героя на собственный поступок, – *Так было надо* [там же] – воплощена в информативном регистре.

В нескольких песнях Высоцкого повторяется один и тот же сюжет: женщина предаёт лирического героя, и они расстаются. Этот сюжет представлен в стихотворении «Бодайбо» (1961) [там же: 22], где лирический герой обращается к бывшей возлюбленной с упреками, но с первой же строфы ясно, что в это время она далеко от героя и не может ответить на эти упреки. Поэтому перед нами не диалог, а монолог:

Ты уехала на короткий срок,
Снова свидеться нам – не дай бог, –
А меня в товарный – и на восток,
И на прииски в Бодайбо [там же].

Первая строфа почти полностью относится к репродуктивно-повествовательному регистру, кроме второй строки, которая актуализирует волюнтивный регистр, так как в ней лирический герой высказывает нежелание снова встретиться с героиней: *Снова свидеться нам – не дай бог*. Эта идея выражена с помощью междометного фразеологизма *не дай бог*. Во фразе *А меня в товарный – и на восток, / И на прииски в Бодайбо* используется эллиптическая конструкция (подразумевается глагол *отправили*).

Вторая строфа относится к информативному регистру, кроме фразы *Ну а мне плевать*, которая выражает оценочную реакцию на ситуацию, а значит, актуализирует реактивный регистр, несмотря на то, что это не ответная реплика в диалоге:

Не заплачешь ты и не станешь ждать,
Навещать не станешь родных, –
Ну а мне плевать – я здесь добывать
Буду золото для страны.
[Высоцкий 1991: 22]

В последней строфе лирический герой обращается к героине:

Ты не жди меня – ладно, бог с тобой, –
А что туго мне – ты не грусти.
Только помни – не дай бог тебе со мной
Снова встретиться на пути! [там же]

Эта строфа актуализирует волюнтивный регистр (кроме фразы *А что туго мне*, которая относится к информативному регистру), но волеизъявление здесь выражено разными способами. В первую очередь, это глаголы в форме повелительного наклонения: *не жди, не грусти, помни*. Кроме того, это междометные фразеологизмы *бог с тобой* и *не дай бог (тебе со мной встретиться)*.

В стихах Высоцкого много диалогов, которые способствуют продвижению сюжета. Как правило, это диалоги между персонажами.

Эту мысль подтверждает анализ стихотворения «Счетчик щелкает» (1964) [там же: 65]:

Твердил он нам: «Моя она!»
«Да ты смеешься, друг, да ты смеешься!»
Уйди, пацан, – ты очень пьян, –
А то нарвешься, друг, гляди, нарвешься!»
[там же]

В первой строке фраза *Твердил он нам* актуализирует репродуктивно-описательный регистр, а реплика персонажа «*Моя она!*» – информативный. Ответная реплика «*Да ты смеешься, друг, да ты смеешься*» представляет собой реакцию на предыдущее высказывание, и, следовательно, это реактивный регистр. Фраза *Уйди, пацан*, относится к волюнтивному регистру. Вывод лирического героя о его собеседнике *ты очень пьян* актуализирует информативный регистр. К информативному регистру также относится угроза *А то нарвешься, друг, гляди, нарвешься!*

Диалог включается в репродуктивный регистр. По репликам персонажей чувствуется, как атмосфера накаляется; ясно, что конфликт неизбежен:

Ударил в виски мне кровь с вином –
И, так же продолжая улыбаться,
Ему сказал я тихо: «Все равно
В конце пути придется рассчитаться!»
[там же]

Первая строка относится к репродуктивно-повествовательному регистру. Интересно, что в ней используется метафора: *Ударил в виски мне кровь с вином*, которая возникла в результате

контаминации двух фразеологизмов *кровь бросилась (кинулась, ударила) в голову* «Кто-либо пришел в иступление, сильное возбуждение» [Войнова и др. 1968: 213] и *ударять в голову* «оказывать опьяняющее действие» [там же: 490]. Вторая строка относится к репродуктивно-описательному регистру. Фраза *Ему сказал я тихо* актуализирует репродуктивно-повествовательный регистр. Реплика «*Все равно / В конце пути придется рассчитаться!*» представляет собой информативный регистр. Это предупреждение, адресованное собеседнику.

А жизнь мелькает, как в немом кино, –
Мне хорошо, мне хочется смеяться, –
А счетчик – щелк да щелк, – да все равно
В конце пути придется рассчитаться...
[Высоцкий 1991: 65]

Первая строка актуализирует информативный регистр, поскольку в ней используется необычное сравнение, которое выражает субъективный взгляд лирического героя на жизнь. Фраза *Мне хорошо* также относится к информативному регистру. Фраза *мне хочется смеяться* – к волюнтивному, поскольку она представляет собой волеизъявление. *А счетчик – щелк да щелк* – к репродуктивно-описательному (отметим использование междометного глагола *щелк*, который придает четверостишию экспрессию). Произнесенная в самом конце фраза *да все равно / В конце пути придется рассчитаться* превращается в философское обобщение, поэтому она актуализирует генеритивный регистр. У этого стихотворения открытый финал и не сказано, кто победил. Рассчитаться придется обоим персонажам, вне зависимости от того, кто победит, и, кроме того, в стихотворении также выражена идея, что всем людям однажды придется ответить за свои поступки.

Стихотворение «Весна еще в начале» (1962) [там же: 32–33] имеет один из характерных для ранней лирики Высоцкого сюжетов – неудачный побег из тюрьмы (примерно такой же сюжет и у стихотворения «Зэка Васильев и Петров зэка» [там же: 45]). Этот текст включает в себя диалог:

Спросил я Катю взглядом:
«Уходим?» – «Не надо!»
«Нет, хватит, – без Весны я не могу!»
И мне сказала Катя:
«Что ж, хватит так хватит», –
И в ту же ночь мы с ней ушли в тайгу.
[там же: 32–33]

Первая, четвертая и шестая строки актуализируют репродуктивно-повествовательный регистр, так как в них дана последовательность действий. Реплика лирического героя «*Уходим?*» представ-

ляет собой волюнтивный регистр: она выражает конкретное желание, намерение. Реплика Кати «*Не надо!*» относится к реактивному регистру, поскольку это негативная реакция на предложение уйти. Следующая реплика лирического героя «*Нет, хватит, – без Весны я не могу!*» совмещает в себе реактивный и информативный регистры: это и негативная реакция на реплику Кати, и заявление о том, что этот персонаж больше не может находиться в заключении. Следовательно, это контактная форма двух регистров. Последняя реплика героини «*Что ж, хватит так хватит*» является реакцией на данное заявление и поэтому относится к реактивному регистру.

Сюжет, диалоги, а также отдельные реплики персонажей играют важную роль и в стихотворении «Рецидивист» (1963) [Высоцкий 1991: 50–51]:

Это был воскресный день – и я не лазил по карманам:
В воскресенье – отдыхать, – вот мой девиз.
Вдруг – свисток, меня хватают, обзывают хулиганом,
А один узнал – кричит: «Рецидивист!»
[там же: 50]

В первой строке дано описание ситуации – это репродуктивно-описательный регистр: *Это был воскресный день – и я не лазил по карманам*. Во второй строке лирический герой сообщает о характерном для него правиле поведения, но поскольку оно индивидуально, а не предназначено для всех, правильнее считать это информативным регистром, а не генеритивным: *В воскресенье – отдыхать, – вот мой девиз*. Следующая строка передает смену действий, поэтому она актуализирует репродуктивно-повествовательный регистр. Динамика этих действий передается с помощью глаголов настоящего времени НСВ: *Вдруг – свисток, меня хватают, обзывают хулиганом*. Фраза *А один узнал – кричит* актуализирует репродуктивно-повествовательный регистр. Реплику одного из милиционеров «*Рецидивист!*» можно трактовать, с одной стороны, как информативный регистр (человек выражает свое мнение о лирическом герое), а с другой стороны, как реактивный регистр (реплика представляет собой реакцию на ситуацию и выражает негативную оценку).

«Брось, товарищ, не ершишь,
Моя фамилия – Сергеев, –
Ну а кто рецидивист –
Ведь я ж понятия не имею».
[там же]

Представленная реплика лирического героя является реакцией на арест, о котором говорится в предыдущей строке. Здесь сочетается несколько регистров: реактивный, волюнтивный и информативный. Реактивный регистр относится ко

всей строфе в целом, волюнтивный регистр – к фразе *Брось, товарищ, не ершишь*, а остальные строки актуализируют информативный регистр.

Приведем диалог между лирическим героем и милиционером:

«Сколько раз судились вы?»
«Плохо я считать умею!»
«Но все же вы – рецидивист?»
«Да нет, товарищ, я – Сергеев».
[там же]

Эта строфа представляет собой обмен репликами, где нечетные строки актуализируют волюнтивный регистр, а четные – реактивный, поскольку они выражают иронию лирического героя по отношению к вопросам, которые ему задают. Четвёртую строку можно трактовать также как сочетание реактивного и информативного регистров, так как персонаж не только реагирует на вопрос, но и сообщает о себе некоторую информацию.

У Высоцкого есть также стихи, полностью состоящие из обмена репликами, как, например, «*Большой Каретный*» (1962) [там же: 38–39] и «*Эй, шофер, вези – Бутырский хутор...*» (1963) [там же: 48] (которое представляет собой диалог между бывшим заключенным и шофером):

– Эй, шофер, вези – Бутырский хутор,
Где тюрьма, – да поскорее мчи!
– Ты, товарищ, опоздал,
ты на два года перепугал –
Разбирают уж тюрьму на кирпичи [там же].

Первые две строки актуализируют волюнтивный регистр. Слова *Ты, товарищ, опоздал, / ты на два года перепугал – / Разбирают уж тюрьму на кирпичи* представляют собой ответную реплику, в которой содержится и фактическая информация, и оценочная реакция – ирония, насмешка. Именно поэтому данная реплика совмещает в себе информативный и реактивный регистры.

В. Высоцкий обладал потрясающей способностью вовлечь слушателя (или читателя) в диалог. В этом можно убедиться на примере стихотворения «*Большой Каретный*», которое фактически представляет собой разговор и лирического героя со всеми, кто когда-то жил в этом переулке, и с самим собой. В этом убеждает и то, как Высоцкий исполняет это стихотворение под музыку вместе с хором, выкрикивающим некоторые реплики. Сначала припев он поет один, сам отвечая на собственные вопросы. Потом он задает вопросы, а хор отвечает. После этого хор задает вопросы, а отвечает Высоцкий.

Где твои семнадцать лет?
На Большом Каретном.
Где твои семнадцать бед?

На Большом Каретном.
Где твой чёрный пистолет?
На Большом Каретном.
А где тебя сегодня нет?
На Большом Каретном.
[Высоцкий 1991: 38–39]

Известно, что поэт жил в Большом Каретном переулке с отцом и мачехой (в 1956 г. переулок переименовали в улицу Ермоловой, а в 1993 г. ему вернули прежнее название). Как утверждают А. Е. Крылов и А. В. Кулагин, «Большой Каретный был для поэта символом дружбы и начала творческого пути» [Крылов, Кулагин 2009: 44]. Очевидно, что эти вопросы лирический герой адресует и самому себе, а также то, что он в данном произведении максимально близок автору, совпадает с ним (а это значит, что слова *ты* и *твой* следует понимать не только в прямом значении, но и как *я* и *мой*).

Из всего вышесказанного следует, что в данном случае справедливы две трактовки. Первая: все нечетные строки – это вопросы, обращенные ко всем, кто когда-либо жил «на Большом Каретном» (волюнтивный регистр), все четные – их ответы (реактивный регистр в сочетании с информативным). Вторая: все нечетные строки – это вопросы, которые лирический герой задает самому себе, погружаясь в воспоминания (волюнтивный регистр), а все четные строки – его же ответы на эти вопросы (реактивный регистр в сочетании с информативным). В обоих случаях это чередование волюнтивного и реактивного регистров, но адресаты разные.

В следующем фрагменте сложно однозначно определить коммуникативный регистр:

Переименован он теперь,
Стало все по новой там, верь не верь.
И все же, где б ты ни был, где ты ни бредешь,
Нет-нет да по Каретному пройдешь.
[там же: 38]

Первая и вторая строки представляют собой информативный регистр, так как это всего лишь констатация факта: *Переименован он теперь, / Стало все по новой там, верь не верь*. Что касается высказывания *И все же, где б ты ни был, где ты ни бредешь, / Нет-нет да по Каретному пройдешь*, возможны две трактовки: 1) эти слова относятся только к одному человеку – лирическому герою и актуализируют информативный регистр; 2) это обобщение, которое касается всех, кто когда-то жил «на Большом Каретном», и в таком случае это генеритивный регистр.

Анализ стихотворений В. Высоцкого с точки зрения коммуникативных регистров подтверждает тот факт, что сюжетность и диалогичность являются неотъемлемыми чертами его ранней поэзии. Для изложения того, что происходит по

сюжету, используется репродуктивно-повествовательный регистр, а так как лирика сюжетная, именно этот регистр довольно часто встречается в стихотворениях у Высоцкого (при этом глаголы стоят в форме СВ). Нередко при этом автор прибегает к эллиптическим конструкциям, междометным глаголам и междометным фразеологизмам. Все эти средства делают повествование более динамичным. Кроме того, довольно часто употребляется репродуктивно-описательный регистр – в тех случаях, когда описывается та или иная ситуация, причем глаголы употреблены в форме НСВ. В связи с этим выделим такую особенность ранней лирики В. Высоцкого, как кинематографичность. Следует также отметить огромную роль диалогов в стихотворениях поэта. Именно поэтому в них широко используются волюнтивный и реактивный регистры. Иногда это диалоги между персонажами, иногда обращение лирического героя либо к читателям, либо к другому персонажу, ответные реплики которого в тексте не представлены. Диалоги необходимы автору для развития сюжета и для того, чтобы показать своих персонажей в коммуникативных актах.

Таким образом, коммуникативный подход к стихотворениям В. Высоцкого представляется целесообразным и весьма продуктивным, а эти тексты благодаря своей структуре – это богатый материал для коммуникативной грамматики.

Список литературы

- Владимир Высоцкий. Монологи со сцены / лит. запись О. Л. Терентьева. Харьков: Фолио; М.: Издательство АСТ, 2000. 208 с.
- Войнова Л. А., Жуков В. П., Молотков А. И., Федоров А. И. Фразеологический словарь русского языка / под ред. А. И. Молоткова. Изд. 2-е, стереотип. М.: Сов. энцикл., 1968. 543 с.
- Высоцкий: время, наследие, судьба / под ред. С. Л. Яценко. Киев (без вых. данных). Особ. вып. 8 с.
- Высоцкий В. С. Сочинения: в 2 т. М., 1991. Т. 1. 640 с.
- Голякова Л. А. Ритм художественного произведения: коммуникативно-прагматический аспект // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2011. Вып. 3(15). С. 94–99.
- Золотова Г. А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. Изд. 6-е. М.: КомКнига, 2010. 368 с.
- Золотова Г. А., Ониненко Н. К., Сидорова М. Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. М., 2004. 544 с.
- Корман Я. И. Владимир Высоцкий: ключ к подтексту. Изд. 2-е, испр. и доп. Ростов н/Д: Феникс, 2006. 381 с.

Крылов А. Е., Кулагин А. В. Высоцкий как энциклопедия советской жизни. Комментарий к песням поэта. М.: Булат, 2010. 384 с.

Кузьмина Т. В. Формы имплицитного (синтаксического) выражения времени в поэзии Б. А. Ахмадулиной // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2014. Вып. 3(27). С. 113–120.

Новиков В. И. Высоцкий. М.: Молодая гвардия, 2006. 412 с.

Мартьянова И. А. Киновек русского текста: парадокс литературной кинематографичности. СПб., САГА, 2002. 236 с.

Подобрий А. В. Преемственность – традиция – диалог – новаторство (к вопросу о литературной эволюции) // Мировая литература в контексте культуры. 2013. Вып. 2(8). С. 139–144.

Рощина А. А. Автор и его персонажи. Проблема соотношения ролевого и лирического героев в поэзии В. Высоцкого // Мир Высоцкого: Исследования и материалы / сост. А. Е. Крылов и В. Ф. Щербак. М.: ГКЦМ В. С. Высоцкого, 1998. С. 122–135.

Шумкина И. В., Некрасов И. А. Окуджава и Высоцкий в русской речи. Опыт сравнительного анализа // Голос надежды: новое о Булате: сб. Вып. 5. М.: Булат, 2008. С. 464–484.

References

Vladimir Vysotskiy: Monologi so steny [Vladimir Vysotsky: The Monologues from the Stage]. Recorded by O. L. Terent'ev. Kharkov, Folio Publ.; Moscow, AST Publ., 2000. 208 p.

Voynova L. A., Zhukov V. P., Molotkov A. I., Fedorov A. I. *Frazeologicheskiy slovar' russkogo yazyka* [The Phraseological Dictionary of the Russian Language]. Ed. by A. I. Molotkov. 2nd Stereotype Edition. Moscow, Sovetskaya Entsiklopediya Publ., 1968. 543 p.

Vysotskiy: vremya, nasledie, sud'ba [Vysotsky: Time, Heritage, Fate]. Ed. by S. L. Yatsenko. Special Edition. Kiev. 8 p.

Vysotsky V. S. *Sochineniya: v 2 t.* [Works in two volumes]. Moscow, 1991, vol. 1. 640 p.

Golyakova L. A. *Ritm khudozhestvennogo proizvedeniya: kommunikativno-pragmaticheski aspekt* [Rhythm of the Work of Art: Communicative and Pragmatic Aspect]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2011, issue 3(15), pp. 94–99.

Zolotova G. A. *Kommunikativnye aspekty russkogo sintaksisa* [The Communicative Aspects of

Russian Syntax]. 6th Edition. Moscow, KomKniga Publ., 2010. 368 p.

Zolotova G. A., Onipenko N. K., Sidorova M. Yu. *Kommunikativnaya grammatika russkogo yazyka* [The Communicative Grammar of the Russian Language]. Moscow, 2004. 544 p.

Korman Ya. I. *Vladimir Vysotskiy: klyuch k podtekstu* [Vladimir Vysotsky: the Key to the Implied Sense]. 2nd Edition, revised and augmented. Rostov-on-Don, Feniks Publ., 2006. 381 p.

Krylov A. E., Kulagin A. V. *Vysotskiy kak entsiklopediya sovetsoy zhizni. Kommentariy k pesnyam poeta* [Vysotsky as an Encyclopedia of Soviet Life. The Comment on the Poet's Songs]. Moscow, Bulat Publ., 2010. 384 p.

Kuz'mina T. V. *Formy implitsitnogo (sintaksicheskogo) vyrazheniya vremeni v poezii B. A. Akhmadulinoj* [Forms of Implicit (Syntactic) Expression of Tense in B. A. Akhmadulina's Poetry]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2014, issue 3(27), pp. 113–120.

Novikov V. I. *Vysotskiy* [Vysotsky]. Moscow, Molodaya Gvardiya Publ., 2006. 412 p.

Mart'yanova I. A. *Kinovek russkogo teksta: paradoks literaturnoy kinematografichnosti* [The Age of Cinema in Russian Text: the Paradox of Cinematic Writing]. St. Petersburg, SAGA Publ., 2002. 236 p.

Podobriy A. V. *Preemstvennost' – traditsiya – dialog – novatorstvo (k voprosu o literaturnoy evolyutsii)* [Succession – Tradition – Dialogue – Innovation (to the Question of Literary Evolution)]. *Mirovaya literatura v kontekste kul'tury* [World Literature in the Context of Culture], 2013, issue 2(8), pp. 139–144.

Roshchina A. A. *Avtor i ego personazhi. Problema sootnosheniya rolevogo i liricheskogo geroev v poezii V. Vysotskogo* [The Author and his Characters. The Problem of Correlation between the Role-playing Character and the Lyrical Character in Vysotsky's Poetry]. *Mir Vysotskogo: Issledovaniya i materialy* [Vysotsky's World: Researches and Materials]. Comp. by A. E. Krylov and V. F. Shherbakova. Moscow, V. S. Vysotsky State Cultural Center and Museum Publ., 1998, pp. 122–135.

Shumkina I. V., Nekrasova I. A. *Okudzhava i Vysotskiy v russkoy rechi. Opyt sravnitel'nogo analiza* [Okudzhava and Vysotsky in the Russian Speech. The Experience of the Comparative Analysis]. *Golos nadezhdy: novoe o Bulate* [The Voice of Hope: News about Bulat]. Moscow, Bulat Publ., 2008, issue 5, pp. 464–484.

THE COMMUNICATIVE APPROACH TO THE ANALYSIS OF POETIC TEXT (a Case Study of Vysotsky's Early Lyrics)

Ekaterina V. Ryakina

Postgraduate Student in the Department of Russian Language
Saint Petersburg State University

The article is aimed at analyzing poems by V. Vysotsky written in the early period of his work from the perspective of communicative grammar. According to G. A. Zolotova's opinion, speech is based on five communicative registers: reproductive, informative, generative, volutive and reactive. Communicative registers express the speaker's attitude to the semantic content of the utterance and to the addressee. With the help of the communicative method, we can understand the inner structure of the text. However, it is important to mention that the borders between communicative registers are conditional. In the article, the question of the lyrical hero in the works of V. Vysotsky is tackled. Many of his poems of that period were written under the influence of the thieves' folklore and the peculiarities of the lyrical hero are connected with it. Moreover, early lyrics by V. Vysotsky are mostly narrative. Narrativity and dialogueness are the intrinsic traits of his poetry. In narrative poems, the reproductive register is widely used. The volutive and reactive registers are actively used in Vysotsky's poems because dialogues play a great role in these texts. The characteristic features of the texts under study are elliptical structures, interjectional verbs and interjectional phraseological units.

Key words: Vysotsky; communicative register; lyrical hero; narrativity; dialogueness.